

Лицо благородной наложницы Нин побледнело. Она почувствовала слабость в коленях и гудение в голове. Паникуя, она лишь продолжала смотреть на императора Чун Чжэня.

Император вошел в зал. За ним проследовали два дворцовых слуги в красных мантиях.

Благородная наложница Нин вдруг вспомнила, что император говорил, что придет сюда сегодня. Но почему так рано? Он пришел на час раньше, чем обычно. Она не знала, что сказать, и, наконец, пробормотала: "Ваше Величество..."

Однако, император Чун Чжэнь даже не взглянул на нее. Он опустил взгляд и посмотрел на Цин Фэй, преклонившейся на полу. Он холодно спросил ее: "Ты говорила правду?"

Цин Фэй опустила голову. Она поклонилась императору, отдав честь, прежде чем сказала: "Ваше Величество, эта служанка говорила правду. Если есть хоть одно ложное слово, пускай эта служанка умрет ужасной смертью..."

Взволнованная и раздраженная, благородная наложница Нин сделала выговор: "Замолчи!"

Затем она повернулась лицом к императору и сказала: "Ваше Величество, не слушайте эту сумасшедшую. Я незнакома с этой женщиной. Не знаю, почему она появилась здесь сегодня. Кто-то, должно быть, пытается меня подставить..."

Император Чун Чжэнь равнодушно посмотрел на нее. Не позволив ей высказаться по этому поводу, он прервал ее: "Этот император не спрашивал тебя".

Благородной наложнице Нин стало больно от его взгляда. Ее глаза сразу же покраснели.

Император Чун Чжэнь сложил руки за спиной и закрыл глаза. "Расскажи этому императору, что произошло тогда". Его голос казался немного подавленным, когда он сказал: "Как Люли отравили?"

Цин Фэй исполнила приказ и рассказала то, что произошло в тот день: "Это произошло на банкете в честь Дня рождения принцессы Тяньцзи. По приказу Ее Высочества, эта служанка..."

В первый день рождения Чжао Люли, после того, как кормилица отнесла ее в отапливаемую комнату, чтобы дать молока, она медленно уснула. Наложнице Шу было очень любопытно, и она хотела увидеть юную принцессу. Поэтому императрица Чэнь позволила ей войти внутрь вместе с няней, чтобы посмотреть на нее. Когда наложница Шу вышла из комнаты, две служанки отвлекли слуг в отапливаемой комнате, и Цин Фэй проникла туда. Цин Фэй вылила яд на рот Чжао Люли. Чжао Люли была всего лишь ребенком, которому исполнился год. Ее жалобные крики были тихими и слабыми. Цин Фэй не пожалела ее. Выполнив свою задачу, она украдкой покинула отапливаемую комнату.

Впоследствии, когда обнаружилось, что Чжао Люли отравили, естественно, во всем обвинили наложницу Шу. В конце концов, она была единственным человеком, который входил в отапливаемую комнату. Наложница Шу уверяла, что она невиновна и что ее ошибочно обвинили, но никто ей не поверил. Все думали, что она лжет. Император Чун Чжэнь подал ей чашу отравленного вина, и она умерла во дворце.

Голос Цин Фэй становился тише и тише: "... Эта служанка жила в раскаянии все эти годы. Эта служанка чувствует себя виноватой перед шестой принцессой".

Руки императора Чун Чжэнь, сложенные за спиной, сжимались все крепче и крепче. Вертикальные и горизонтальные синие вены на тыльной стороне рук выглядели довольно пугающе. Он закрыл глаза, и его лицо, казалось, покрылось коркой льда. Слово за словом, он спросил: "Наложница Нин, ты хочешь сказать что-нибудь еще?"

Благородная наложница Нин опустилась на колени перед императором. Вся в слезах, она сказала: "Ваше Величество, эта женщина лжет, не слушайте ее. Эта наложница правда не узнает ее и не знает, почему она продолжает клеветать на меня..."

Император Чун Чжэнь открыл глаза и посмотрел на нее, спросив: "Ты не узнаешь ее?"

Благородная наложница Нин покачала головой: "Эта наложница не узнает ее".

Император Чун Чжэнь усмехнулся. Он взмахнул широким рукавом и сказал: "Тогда позовите чиновницу из Бюро Шан. Этот император хочет знать, записана ли эта женщина в документах!"

Вскоре примчалась чиновница из Бюро Шан. Она держала в руках книги с именами всех дворцовых слуг. Когда чиновница узнала о приказе императора, она поспешно пролистала книги. Через некоторое время она остановилась на странице. "Ваше Величество, более десяти лет назад, благородная наложница Нин освободила трех дворцовых слуг. Цин Фэй была одной из них. На ладони Цин Фэ есть родинка. Ваше Величество, вы можете проверить сами".

Император Чун Чжэнь опустил глаза и посмотрел на Цин Фэй: "Покажи обе ладони".

Цин Фэй протянула руки. На ладони ее левой руки была родинка. Она казалась особенно заметной под светом свеч.

Благородная наложница Нин рухнула на землю, как будто из ее тела высосали все силы.

Император Чун Чжэнь отвел взгляд от Цин Фэй и снова посмотрел на благородную наложницу Нин. В его глазах остались лишь холод и разочарование. Он вдруг вспомнил слова, которые императрица Чэнь однажды сказала ему. В то время они лежали на одной кровати, и их отношения не были такими натянутыми, как сейчас. Императрица Чэнь умоляла его заново расследовать отравление Люли. Она подозревала, что все было не так просто, как казалось, потому что дворцовых слуг благородной наложницы Нин тоже видели рядом с отапливаемой комнатой. Это был первый и единственный раз, когда она показала слабость перед ним.

Он вспомнил, каким беспомощным было выражение ее лица, и она доверилась ему и возложила все свои надежды на него. Тем не менее, он не только не пересмотрел это дело, но и обвинил ее в излишней подозрительности. В то время сила и влияние семьи императрицы Чэнь становились все сильнее и сильнее. Он боялся последствий. Он не мог быть слишком благосклонен к императрице Чэнь. У него также были намерения продвигать семью благородной наложницы Нин, поэтому он часто ходил в зал благородной наложницы Нин. На первый взгляд, казалось, что он действительно благоволил благородной наложнице Нин.

Много времени спустя императрица Чэнь больше никогда не упоминала об этом.

Император Чун Чжэнь открыл и закрыл рот на мгновение, прежде чем хрипло крикнуть: "Стража!"

В комнату вошли двое дворцовых слуг: "Приветствую вас, Ваше Величество".

Император сказал: "Начиная с сегодняшнего дня, благородная наложница Нин лишена титула, и она станет обычным человеком. Пока что она будет временно заключена в Золотом зале".

Госпожа Нин закричала: "Ваше Величество!"

Хотя у Золотого зала было хорошее название, он ничем не отличался от холодного дворца (в холодный дворец в наказание изгоняли императриц и наложниц). Во дворце не было конкретного места для холодного дворца в нынешней династии, но никто долгое время не жил в этом холодном и пустынном зале. Он был предназначен для использования в качестве холодного дворца. В прошлые династии, наложницы, которые потеряли благосклонность, отправлялись сюда без исключения.

Император Чун Чжэнь не был тронут ее действиями. Госпожа Нин двинулась вперед, чтобы схватить его за рукав, но он бессердечно отмахнулся от нее. Госпожа Нин боролась так, будто ее жизнь зависела от этого: "Эта наложница поступила так только ради Его Величества. Ваше Величество, однажды вы сказали, что простите эту наложницу, несмотря ни на что..."

Император Чун Чжэнь нахмурил брови. Он, наверное, забыл, как когда-то сказал эти слова. Он невыразительно посмотрел на нее и сказал: "Этот император сам решит простить тебя или лишит титула. Ты даже посмела отравить дочь императора. Думаешь, этот император закроет на это глаза?"

Дворцовые слуги схватили госпожу Нин за плечи и заставили ее выйти на улицу.

Она, наверное, никогда не думала, что такой день наступит. Она превратилась из благородной наложницы Нин в простого человека.

Император Чун Чжэнь мрачно посмотрел на Цин Фэй и расправился с обидчиком, приказав: "Уведите эту женщину и убейте ее, отделив плоть от ее костей!"

Цин Фэй задрожала, и ее лицо стало мертвенно бледным.

После того, как все ушли, в комнате не осталось никого, за исключением императора. Слуги, которые служили благородной наложнице Нин, стояли на коленях снаружи. Они боялись, что тоже будут вовлечены. К счастью, император все еще мыслил рационально. Постояв в комнате некоторое время, он медленно вышел.

Евнух Чу подошел к нему и спросил: "Ваше Величество, куда вы идете?"

Император Чун Чжэнь остановился. Спустя долгое время, он, наконец, ответил: "В зал Чжао Ян".

Свет в зале Чжао Ян недавно потух. Издалека был виден свет только восьмиугольных фонариков на веранде. Двое дворцовых слуг, охранявших вход, были в полусонном состоянии. Увидев, что император пришел сюда, их сон как рукой сняло. Ошеломленные, они сказали: "Приветствую вас, Ваше Величество..."

Император Чун Чжэнь махнул рукой и посмотрел в зал: "Где императрица?"

Опустив голову, дворцовый слуга ответил: "Ваше Величество, Ее Величество уже уснула".

Другой слуга проявил проницательность и поспешно сказал: "Этот слуга войдет внутрь, чтобы

разбудить Ее Величество".

Император Чун Чжэнь позвал его, чтобы остановить. Через некоторое время он, наконец, сказал: "Не стоит, этот император зайдет ненадолго и уйдет". Затем он направился внутрь.

Двое дворцовых слуг в смятении переглянулись. Если Его Величество пришел сюда так поздно ночью, почему бы ему не остаться здесь переночевать?

Император Чун Чжэнь встал у кровати и отодвигал дорогие занавески одну за другой. Он посмотрел на императрицу Чэнь, которая крепко спала. Свет в комнате был тусклым. Лишь лунный свет лился через окно, а все лампы были потушены. Он вспомнил, что она любила оставлять лампу зажженной, когда спала. В первой половине ее жизни случилось слишком много смертей. Она не чувствовала себя в безопасности в темноте.

Когда она перестала зажигать свет перед сном? Сколько ее изменений он пропустил?

Император сел на край кровати и протянул руку, чтобы погладить щеку императрицы Чэнь. Его голос был глубоким и низким в темноте ночи: "Вань Вань, я пришел слишком поздно".

Императрица Чэнь нахмурила брови. Тело императора напряглось. Он подумал, что она проснулась, но она лишь перевернулась на другой бок и простонала: "Люли..."

Рука императора застыла в воздухе.

Люли. Их Люли.

Император медленно отвел руку назад и крепко сжал деревянную раму кровати так, что оторвал кусок дерева.

Сегодня был Весенний Фестиваль Фонарей. Слуг резиденции принца Цзина переполняла радость. Теперь они были еще счастливее, чем в Новый год. Этого следовало ожидать. Сегодня всем дали полдня отдыха, и они могли вернуться домой, чтобы увидеть свои семьи. Конечно же, они были счастливы.

Вэй Ло уже не сильно интересовали такие праздники. Так совпало, что сегодня люди из Сю Чунь принесли одежду, которую она заказала, так что она провела день, рассматривая одежду в своей комнате. В общей сложности было восемнадцать нарядов, двенадцать пар обуви, шестнадцать платков и восемнадцать круглых вееров. Более того, это были только вещи, которые можно было носить весной. Вэй Ло разглядела их все. Ни один из стилей не повторялся, и мастерство изготовления было искусным со сложными украшениями. Другие магазины не могли создавать настолько изящные детали.

Вэй Ло стояла у дивана и размышляла, какая пара туфель и платок подойдут к каждому платью. Она была так сосредоточена, что не замечала Чжао Цзе, который был рядом.

"Ты закончила выбирать?" - прошептал ей на ухо Чжао Цзе.

Вэй Ло повернула голову, чтобы посмотреть на него. Она осмотрела его с головы до пят: "Ты уходишь?" Он был одет так прилично, но она не помнила, чтобы он говорил, что уйдет сегодня.

Чжао Цзе сжал ее ладонь: "Сегодня Весенний Фестиваль Фонарей. Этот принц возьмет тебя погулять. Тебе, наверное, было очень скучно в последнее время, да?"

Когда они вернулись из Тун Чжоу, началось празднование Нового года, и они были заняты в течение нескольких дней. В последние дни лил весенний дождь, и Вэй Ло приходилось оставаться в резиденции. Сегодня наконец-то было чистое небо.

Вэй Ло посмотрела на него и неспешно спросила: "Что ты сказал?"

Чжао Цзе задумался над сказанными словами и сразу же понял, чем не угодил молодой девушке. Он повернул ее к себе лицом и погладил ее личико: "Муж хочет взять тебя с собой прогуляться".

Вэй Ло не нравилось, что он называл себя "этим принцем" перед ней. Раньше они еще не были женаты. Но он до сих пор продолжал называть себя так после того, как они поженились. Он явно важничал.

Вэй Ло не позволила Чжао Цзе делать это и попросила изменить свою речь. Он старался, но иногда забывал и ненароком называл себя "этим принцем". Он не специально важничал. Просто ему было трудно сразу избавиться от этой привычки.

Вэй Ло нахмурилась: "У меня есть к тебе несколько вопросов".

Чжао Цзе переместился с ней на диван и зажал ее между диваном и собой. Он завис над ее губами и спросил: "Что ты хочешь спросить?"

Вэй Ло подняла глаза. Ее длинные, завитые ресницы были похожи на крылья бабочки. Бабочка отлетела от воды и открыла ясные глазки. Она спросила: "Ты знал, что наложница Нин лишилась титула?"

Выражение лица Чжао Цзе не изменилось, только улыбка на его губах стала светлее. Он кивнул головой.

"Это ты устроил все так, чтобы госпожа Чан вошла во дворец?" - спросила Вэй Ло.

Чжао Цзе продолжал кивать.

Вэй Ло нахмурила брови. "Но признания госпожи Чан не достаточно. Ты можешь найти двух других служанок-сообщниц?"

В глазах Чжао Цзе появилась легкая насмешка. Он равнодушно сказал: "Когда императорский отец узнал правду, он точно послал людей искать этих двух женщин". Это выражение лица появлялось у него всякий раз при упоминании императора Чун Чжэня.

Услышав эти слова, сердце Вэй Ло успокоилось. Несмотря ни на что, наложница Нин не сможет подняться снова. Что касается пятого принца, император Чун Чжэнь, вероятно, никогда не позволит ему занять важную позицию. Вэй Ло посмотрела на Чжао Цзе. Неужели в будущем он станет императором? Тогда она станет императрицей?

Это точно будет что-то новое.

Вэй Ло села верхом на Чжао Цзе и подняла голову, чтобы посмотреть на него.

Чжао Цзе невольно рассмеялся: "На что ты смотришь?"

Вэй Ло закрыла глаза и широко улыбнулась: "Я смотрю на своего мужа".

<http://tl.rulate.ru/book/5309/402988>